ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА ДОБИЛАСЬ ПРИЗНАНИЯ ТРУДОМ

В мире искусства

Рабочий день певицы расписан буквально по минутам. И это не удивительно: Елена Образцова — не только солистка Большого театра в Москве, но и примадона миланского театра «Ла скала» и Нью-Йоркской «Метрополитен-опера». Если к этому добавить подписанные контракты с другими театрами Европы, Австралии, Латинской Америки, постоянные гастроли в десятках стран, съемки на телевидении, работу в студиях грамазаписи, преподавание вокала в Московской консерватории, то понимаешь, что времени на интервью у певицы практически не остается.

— Жизнь звезды наверняка полна ярких, неповторимых мгновений. Какие из них самые памятные?

— Ничего необыкновенного у меня не было. Всю свою жизнь я пела. Работала, работала, рабо-

тала... Очень поздно вышла на международную арену.

— Вы считаете, что поздно?

— Конечно. Зато — что правда, то правда — ворвалась метеором, хотя и не была к этому готова — не знала языков и классического западного репертуара. Но, несмотря на это, никогда не отказывалась ни от одного сделанного мне предложения. Поэтому приходилось все время работать со страшными перегрузками — и физическими, и эмоциональными.

— О Вас часто пишут и говорят: «Добилась признания трудом».

— Верно. Почти все свои партии, дебюты готовила за месяц. Если бы я пела в провинции, можно было бы спокойнее выступать. Но приходилось выходить на самые престижные сценические подмостки с великими дирижерами и певцами. Поэтому я

чувствовала себя Золушкой, попавшей на бал. Мне долгое время казалось: что же я тут делаю?! Первые годы ходили на какое-то сплошное сумасшествие. А теперь очень обидно: вот если бы тогда я знала все, что знаю сейчас, если бы начинала карьеру с сегодняшним духовным багажом, все было бы по-другому.

— Вы резко изменили взгляды на жизнь?

— Был переломный момент, когда исполнилось сорок лет. Я осознала свое место в искусстве: что сделано, что еще нужно сделать. Но одно я твердо знала всегда: если хочешь чего-то достичь в жизни — работай. Никто не знает, в каких страшных трудах рождается каждая партия, ария или романс. А сегодня нередко слышу от новых знакомых — у вас, наверное, с детства все прекрасно складывалось?

— Давайте уточним: с детства, проведенного в блокадном Ленин-

граде. Остались у Вас как-нибудь воспоминания?

— Войну я не осознавала: какой мог быть страх у трехлетнего ребенка? Помню, мне все время хотелось попробовать сладкого, но я не знала, что это такое. Одна подружка, старше меня, все время говорила: «Как хочется пирожных!» Я ей: «А что это такое?» Она: «Это такое сладкое...» — «А что такое сладкое?» — удивлялась я, ведь, кроме хлеба, ничего не пробовала. Чувство голода, жуткое, осталось — и очень-очень надолго.

— Елена Васильевна, как Вы относитесь к тем, кому в жизни и в искусстве многое достается легко, без особого труда?

— Как отношусь? Очень плохо. Сколько развелось у нас за годы застоя титулованных бездарностей. И как привыкли мы к ним относиться? Если увенчан званиями — значит, замечательный, талантливый, а его давным-давно пора гнать со сцены. Я бы вообще в искусстве все награды и ре-

галии отменила — и остались бы одни имена. К примеру, Федор Шаляпин — у него не было звания народного артиста СССР, а его знала вся страна, он был истинно народным артистом. Он пережил свое время. Мы уйдем, а люди будут еще долго-долго восхищаться его изумительным голосом.

— Шаляпин прославился не только уникальным от природы голосом, но и самоотверженным трудом, огромной степенью самоотдачи. Он всегда пел так, будто это его последний концерт. Вам знакомо подобное отношение?

— Знаете, я никогда не была довольна собой — даже в дни триумфа. Напротив, до сих пор перед каждым выступлением очень волнуюсь. Ощущаю огромный страх: страх забыть слова, плохо спеть и страх, что не получится так, как задумала. Поэтому работаю всегда с полной отдачей, на сто процентов.

Владимир ВАХРАМОВ.